

В конце концов он всё же не выдержал и сделал два шага вперёд. Глубоко вздохнув, он произнёс за спиной Мо Сюаня:

— Эй, я смотрю, ты куда ни пойдёшь, везде таскаешь с собой этот веер. И чем же он так дорог? Дай-ка взглянуть!

Мо Сюань не успел и глазом моргнуть, как веер у него из рук вытянула протянутая сзади рука. Он обернулся, собираясь вернуть веер силой, но Чэнь Чжао отступил назад, и на его губах заиграла усмешка. Он уставился на Мо Сюаня с победоносным выражением лица.

— Верни!

— Эй, ни за что! Я вечно видел, как ты целыми днями таскаешь с собой этот веер и ту курительную трубку. Трубку заполучить не удалось, так дай хоть на веер посмотреть! Что за диковинное сокровище ты круглые сутки из рук не выпускаешь?

Чэнь Чжао отступил ещё на два шага, не сводя глаз с Мо Сюаня на случай внезапной атаки, и принялся разглядывать веер в руке. *Хлоп* — он раскрыл его. На лицевой стороне обнаружилась цы поэта Су Ши.

На мотив «Дяолянхуэй: Получив весточку с родины в Цзинкоу»:

«Весенний облик после дождя ещё краше и свежее.

Лишь у того, кто в разлуке, глубокую скорбь не смыть до конца.

Перед горой Бэйгушань со трёх сторон плещутся воды.

Бирюзовые гребни вплетены в завитки зелёных бутонов...»

(Прим. переводчика: в оригинале приведено классическое стихотворение Су Ши о тоске по дому).

— Тц-тц, а я и не думал, что у господина Мо на сердце кто-то есть. Надо же, господин Мо, а вы тот ещё гуляка!

Мо Сюань, словно его поймали на тайном увлечении, замаялся и невнятно ответил:

— Что за глупости ты мелешь, это же самое обычное стихотворение о тоске по родному краю! Никакой не возлюбленный!

— Да ну? Стихотворение-то, конечно, о тоске по дому. Но поговаривают, что оно означает и ожидание кого-то. Господин Мо, и кого же это вы ждёте?

Мо Сюань, разумеется, не мог признаться, что ждёт именно стоящего перед ним человека, и решил просто отнять веер силой. Заметив это, Чэнь Чжао мгновенно юркнул к дверям. Устроившись у притолоки, он обмахивался веером, поглядывал на Мо Сюаня, а затем склонил голову набок и тихо усмехнулся:

— Господин Мо, коль не хотите говорить — нечего сразу драться. Нужно же иметь хоть какие-то манеры. Подобное поведение совсем не красит благородного человека!

— Да плевал я на твои... манеры...

Мо Сюань засучил рукава, только собираясь броситься в бой, как дверь распахнулась. Чэнь Чжао отскочил в сторону, чтобы створка не задела его.

Дверь распахнулась настежь, и в комнату вошел молодой щеголь вшитом на заказ костюме, с тщательно уложенными назад волосами и карманными часами в руке. Едва переступив порог, он застал Мо Сюаня, который с закатанными рукавами и свирепым видом смотрел на него, и слегка опешил, а затем улыбнулся:

— Господин Мо, почему это едва я пришёл, как вы уже готовы на меня броситься? Неужели я вам так неприятен?

Увидев гостя, Мо Сюань торопливо опустил рукава:

— Что вы, Второй молодой господин, как можно! С чего это вы вдруг заглянули ко мне?

— Да вот, были тут кое-какие дела, как раз по пути. Сперва думал зайти глотнуть чаю, да дверь оказалась закрыта. Потом услышал шум, решил заглянуть — чем это вы тут занимаетесь?

Чэнь Чжао подошёл от двери, а Второй молодой господин, переводя взгляд с Чэнь Чжао, державшего в руках веер, на боевую стойку Мо Сюаня, внезапно догадался обо всём. Обратившись к Чэнь Чжао, он произнёс:

— Дядя Юй, наверняка это ты испортил веер господина Мо, раз разозлил его так, что он чуть в драку не полез! Как ты мог допустить такое? Будь аккуратнее!

Услышав, как этот молодой человек назвал его дядей Юй, Чэнь Чжао хотел было что-то возразить, но Мо Сюань стремительно подскочил, увлекая Второго молодого господина к чайному столу, и затараторил:

— Дядя Юй человек в возрасте, разве может всё делать идеально? Я на него и не сержусь вовсе. Ступайте по своим делам, дядя Юй! А вы, Второй молодой господин, разве не хотели чаю? Идите сюда, я заварю!

Говорив это, он украдкой бросил взгляд на Чэнь Чжао. Тот понял намек и тихонько скрылся за потайной дверью. Мо Сюань усадил Второго молодого господина за столик, заварил чай и поставил чашку перед ним. Молодой господин тотчас схватил чашку, поднёс к носу, сделал вдох, и на его лице расплылось выражение крайнего блаженства:

— Господин Мо, больше всего на свете я люблю чай в вашем исполнении! Аромат так и льётся через край, проникая прямо в душу. А сделаешь глоток — и послевкусие ещё долго не отпускает!

— Ох, Второй молодой господин, вы уж слишком преувеличиваете. Всего лишь чашка чая, а вы удостоили её столько похвал. Для моего Моюйтана это величайшая честь.

— Э, не скромничайте. Сколько мы с вами знакомы, больше вашего нрава и манеры вести дела я ценю разве что этот чай. Где вы научились такому искусству? Научите меня?

— Ну полно вам, Второй молодой господин, бросьте шутить. Раз уж вы пожаловали, у меня тут как раз сыскалась одна книга, как раз для вас. Не хотите взглянуть?

Услышав это, Второй молодой господин заинтересовался. Мо Сюань с улыбкой подошёл к книжной полке, снял оттуда томик и протянул ему.

Приняв книгу, тот уставился на красную обложку. Название гласило «Тебе нет места на сцене». Озадаченный, он тем не менее открыл её...

Актер — всего лишь актер, пусть даже он и влачил жалкое существование. Но ему во веки веков не подняться до высшего света...

Они говорят, что в каком бы спектакле ты ни играл, сколь ни был бы знаменит и скольким бы знатым вельможам ни нравилось твоё искусство — всю жизнь ты останешься лишь комедиантом, которому никогда не взлететь на ветку и не стать фениксом. Сперва я не верил в это, но теперь убедился всецело.

Меня зовут Мэн Чжицю. Я худань из Труппы Мэн. К двадцати пяти годам я уже стал ведущим актером Шанхая. Благодаря моей гремевшей на весь город славе Труппа Мэн превратилась в первоклассную труппу Шанхая, на чьи представления невозможно было достать билеты. Каждый мужчина в Шанхае мечтал увидеть моё выступление.

Они говорили, что секрет моего успеха — не только прекрасное пение, но и лицо. С самого детства я уродился писаным красавцем: некоторые утверждали, что я превосхожу Си Ши и не

уступаю Дяочань. Даже наш баньчжу говаривал, что вся моя удача держится исключительно на этом лице и что впереди меня ждёт лишь богатая и роскошная жизнь. Но я бы предпочёл никогда не знать такой жизни. Эту мерзкую жизнь!

Я попал в эту труппу вовсе не по своей воле. В детстве родной отец продал меня за один большой серебряный доллар. А мой нынешний баньчжу выкупил меня уже у работорговца — так я и очутился здесь. Строго говоря, я должен быть благодарен баньчжу: не увидь он меня, стоящего на коленях в снегу и просящего подаяние, не сжался он надо мной — пожалуй, я бы сгинул еще в свои шесть лет.

Сжалившись над моей горькой участью, он забрал меня с собой. Поначалу он привел меня в дом лишь для того, чтобы прислуживать его жене. В те времена его труппа гремела не так громко, как сейчас: хоть у них и водились деньжонки, их едва хватало на собственные нужды. Поэтому баньчжу частенько зазывал зрителей со стороны, а репетировали артисты прямо во дворе своего дома. Это позволяло мне, пока я стирал белье, каждый день слушать, как они распеваются. Со временем я незаметно для себя всему научился.

Однажды я занимался стиркой и сам того не замечая, под нос себе напевал запомнившиеся отрывки оперных арий. Я и не заметил, как за моей спиной появился баньчжу. Вернувшись домой и услышав моё пение, он заинтересовался, подошел ближе, а когда я, закончив стирать, обернулся — увидел, что он стоит прямо позади. Я так испугался, что ожидал нагоняя, и замер на месте, не смея шелохнуться. Но его взгляд сиял так, будто он отыскал редчайшее сокровище! В его глазах горел яркий свет! С той минуты мне больше не пришлось заниматься тяжелой работой — я стал актером.

Оперному искусству обучаться тяжело. Раньше, когда я выполнял домашнюю работу и видел, как они целыми днями распеваются во дворе, мне казалось, что это проще простого. Почему же мне давалось всё с таким трудом?

Мало того что учеба давалась из рук вон плохо — за любую оплошность в движениях меня били, за малейшую фальшь в пении тоже били. Отдохнуть по ночам толком не удавалось: из-за того, что баньчжу благоволил ко мне, остальные старшие соученики затаили жгучую зависть. В часы отдыха я должен был стирать их одежду и обувь, разминать им плечи и растирать спину. Год за годом тянулись такие дни, пока наконец я не стал главной опорой труппы!

— Чжицю! Ты готов? Пора выходить на сцену! — прозвучал громовой голос баньчжу. Сегодня давали моё первое выступление в Большом театре Готай. Труппа была нарасхват, и театр Готай, желая поднять собственные сборы, пригласил нас выступить у них. Большой театр Готай — не какое-нибудь проходное местечко, так что баньчжу отнёсся к этому выступлению с чрезвычайной важностью. В качестве номера выбрали мою коронную арию «Напившаяся наложница». До выхода оставалось еще немало времени, но ему казалось, что я вот-вот опоздаю, и он беспрерывно подгонял меня.

— Сейчас иду, разве время уже вышло? Чего ты сегодня так суетишься?

— Ой, как же тут не суетиться? Посмотри, где мы выступаем — в Большом театре Готай! Другие мечтают сюда попасть, а нас пригласили сами! — возбужденно вопил баньчжу.

— Эту оперу пели уже бесчисленное количество раз, неужели ты боишься каких-то накладок?

— Конечно не боюсь, ведь это твой коронный номер! Я доверяю тебе в тысячу, в миллион раз больше, чем кому-либо, просто... ну слишком уж я взволнован!

«Едва ледяное колесо луны отделилось от морских островов, Небо и Земля прояснились окрест. Яркая луна висит прямо в небесах, словно Чанъэ, покинувшая лунный дворец... Рабыня — словно Чанъэ, покинувшая лунный дворец, словно Чанъэ, спустившаяся с девяти небес. Одиноко и холодно мне в Гуанханьгуне, о, в Гуанханьгуне...»

Все зрители в зале были прикованы к игравшей на сцене янской наложнице, но один человек, казалось, остался в стороне. Я видел со сцены, что его взгляд не следовал за представлением — он словно и впрямь видел во мне ту самую наложницу, впитывая каждое моё движение, каждую радость и печаль. В то мгновение мне показалось, что он смотрит вовсе не на спектакль, а на меня...

Хлоп!

— Господин Мо, разве это интересная книга? С чего вы вдруг подсунули мне такое? — Второй молодой господин захлопнул книгу, небрежно отпил из стоявшей на столе чашки и выглядел явно недовольным прочитанным.

— Ох, не спешите, Второй молодой господин. Вовсе не я заставил вас читать эту книгу, это она выбрала вас.

— Что? Вы шутите?

— Не верите? Дочитайте до конца, и сами всё поймёте.

— Ой, Чжицю! Ты просто великолепен! Старики в зале не переставали рукоплескать! — едва опустился занавес, баньчжу прибежал за кулисы, осыпая меня похвалами и комплиментами. Мне смертельно надоело слушать его вопли, и едва я открыл рот, чтобы велеть ему замолчать, как в закулисы кто-то вошел.

— Мой почтенный баньчжу Мэн. Хвалить-то вы хвалите, но надо бы и помолчать: от болтовни язык сохнет.

Обернувшись на голос, баньчжу остолбенел. Но мгновенно взяв себя в руки, с глубоким поклоном приветствовал вошедшего:

— Второй молодой господин Чжан! О да, вы правы, от лишних слов и впрямь пересыхает во рту. Не подскажите, какими судьбами вы пожаловали за кулисы?

— О, я просто сидел в зале и был потрясен выступлением госпожи Чжицю. Захотел зайти засвидетельствовать почтение, не откажет ли госпожа Чжицю в такой милости?

— Разумеется, разумеется! Раз выступление окончено... Чжицю, давай-ка мы объявим тебе небольшой перерыв, побеседуй со Вторым молодым господином. А я пойду, у меня еще дела, — баньчжу отвесил еще один поклон и поспешил удалиться. Я окинул взглядом гостя: безупречно отутюженный черный костюм, весь облик источал мягкую книжную утонченность.

— Ты кто такой, с какой стати баньчжу называет тебя молодым господином?

— Ты меня не знаешь? — он явно растерялся от моего вопроса, покачал головой и невольно усмехнулся.

— А что, я непременно должен тебя знать? Ты такой великий человек?

— Э-э, не то чтобы великий. Просто мой отец — один из акционеров Центрального южного банка, а я его второй сын. Великий, пожалуй, только мой отец, а мне просто повезло погреться в лучах его славы!

— Вот как. Ну тогда ты и впрямь великий. Зачем пришел?

Я вовсе не горел желанием с ним беседовать, мне хотелось лишь одного — поскорее лечь и отдохнуть, от этой оперы у меня отваливалась поясница. Как же здорово было бы пораньше лечь спать!

Он, похоже, разгадал мои мысли и торопливо замахал руками:

— Я вовсе не собираюсь звать тебя на ужин или что-то в этом роде. Хотя, признаться, мысль такая мелькала. Но я понимаю: ты ни за что не согласишься так близко общаться с тем, кого видишь впервые. Я лишь услышал, как чудесно ты поешь, и захотел познакомиться с госпожой Чжицю. Я знаю, что ты смертельно устала после выступления, но всё равно пришел. Прости за беспокойство.

— О, благодарю за заботу. Ты угадал, я действительно очень устала. Так что же тебе в конце концов нужно?

— Ничего-ничего, я просто хотел переброситься с тобой парочкой слов. Не буду больше докучать, до встречи в следующий раз, когда ты будешь на сцене! Или когда у тебя выдастся свободное время. Прощай!

С этими словами он удалился. Проводив его взглядом, я подумал про себя: ну и простофиля.

После того триумфального выступления в Большом театре Готай Труппа Мэн поднялась на новую ступень, да и номера моих старших и младших сестер по искусству неизменно встречали овациями. Разумеется, я по-прежнему оставался главной звездой и опорой труппы. Каждое моё выступление собирало полный аншлаг. Кстати, тот самый Второй молодой господин сдержал слово: он присутствовал на каждом спектакле и непременно заходил после за кулисы, чтобы перекинуться со мной пара слов. И каждый раз, не пробыв и минуты, уходил. Точно круглый дурак.

— Чжицю, как у вас дела со Вторым молодым господином?

— А? Что значит «как дела»? С чего ты взял, баньчжу?

— Да ни с чего, просто хотел предостеречь. Мы, актеры, как бы ни были популярны сейчас, в конце концов остаемся людьми низкого звания. Не стоит тешить себя несбыточными надеждами.

Услышав это, я почувствовал, как внутри закипает злость. Я гневно выпалил:

— И что с того, что мы актеры? Разве актеры — не люди? С какой стати мы должны стоять ниже их? К тому же, нет у меня никаких дел с этим твоим господином, я его и знать не знаю!

Заметив мой гнев, баньчжу прикусил язык и со вздохом произнес:

— Слова-то верные, но актеры в конце концов всего лишь игрушки для развлечения других. Мы поднимаемся благодаря им, из-за них же и падаем. Разозлим их — и нам самим не выжить.

— Значит, проложим собственный путь! Лишь бы самим было на что жить.

Увидев моё ослиное упрямство, он молча покачал головой и ушел.

— Добрый день, госпожа Чжицю!

Стоило услышать этот голос, как я сразу понял — пожаловал тот самый молодой господин. И чего только его вечно носит сюда?

— О! Неужели Второй молодой господин снова желает побеседовать со мной?

— Сегодня... я пришел не просто болтать.

— Вот как? И зачем же ты пожаловал сегодня?

— Э-э, я просто хотел спросить, не соизволит ли госпожа Чжицю пообедать со мной?

— Надо же, какая внезапная щедрость. Уж не званый ли это пир наотмашь?

— Полно вам, госпожа Чжицю, извольте шутить. Просто каждый раз, когда я прихожу, вы вечно страшно заняты и удается перекинуться лишь парой слов. Сегодня у вас нет спектакля, вот я и подумал пригласить вас на обед.

— Ну хорошо!

<http://bllate.org/book/25525/3045149>